

Михаила Боярского сегодня любят очень многие. За что? Может быть, за то, что он все умеет: петь, играть, танцевать. Но ведь в искусстве нынче много универсалов. И настоящий актер, может быть, даже должен быть универсальным. А вот Боярский один. Что греха таить, многие девушки любят его за то, что он «неотразимо красив». Но ведь красивых артистов тоже немало.

Чем же Боярский привлекает более старших по возрасту зрителей? «Знаете, — объяснил мне недавно один пожилой человек, — в нем соседствует и пленительная, высокая артистичность, и какая-то житейская узнаваемость. Кажется, что он постоянно рядом, и его черты пооскальзывают во многих юношах, проходящих рядом с тобой по городу»...

Хотите знать, что сам Михаил Боярский думает о себе, о своем творчестве?

Недавно наш общественный корреспондент побывал в Ленинграде и встретился с популярным актером. Предлагаем интервью с ним.

— Михаил, Вы являетесь собой молодую ветвь известной театральной династии Боярских. Расскажите немного о своей семье.

— И отец мой, и мама, и дяди были актерами ленинградских театров. Отец умер три года назад, мама — мой добрый ангел и домашний режиссер — нынче на пенсии. А дядя Николай Николаевич Боярский, народный артист РСФСР, и сегодня является ведущим актером театра имени Комиссаржевской. Так что выбора другой профессии у меня, как видите, практически не было, — мой собеседник смеется. — С детства — театр, театр, театр.

— Сколько Вам лет! — спрашивают многие читатели. Где и у кого Вы учились театральному искусству?

— Мне 29 лет. В 1972 году закончил Ленинградский институт театра, музыки и кино на курсе известного театраль-

ного педагога Леонида Федоровича Макарьева. В том же году был приглашен в ленинградский театр имени Ленсовета, где работаю по сей день.

— Ваша первая роль на профессиональной сцене?

— Роль Луиса де Карроскиля в спектакле «Дульсинья Тобосская» по пьесе А. Воло-

но. Поэтому творческое лицо актера остро зависит от вкуса и личности постановщика.

— Театр имени Ленсовета знают во многих городах страны по двум именам — Алисы Фрейндлих и Вашему. Что привлекает Вас в творческой манере этой актрисы, насколько сотрудничество с ней обо-

тер, а не эстрадный исполнитель. И все, что я пою, существует не самостоятельно, а только «привязанно» к моим ролям. Театр — главное дело моей жизни. А кино, телевидение учат новым формам и способам актерского общения, способствуют возможности выступать перед миллио-

известных актеров во всем мире создавали этот образ... А когда получил телеграмму с Одесской киностудии с приглашением на съемки за подписью режиссера фильма Юнгвальда Хилькевича, у меня было такое чувство, будто я сдал очень ответственный экзамен.

Что же касается уроков фильма для меня лично, то, снимаясь в нем, я еще глубже понял ценности дружбы, взаимопомощи, благородства. Я не долго zapomню, как доброжелательно и сердечно, без признаков дешевой сенсационности относились к нам жители городов Одессы и Львова, где работала наша творческая группа, как они кормили нас пирожками и горячей картошкой в перерывах между затянувшимися съемками...

— Не появляется ли у Вас желание попробовать свои силы в режиссуре? Если да, то какую пьесу Вы бы выбрали для постановки?

— Нет, режиссером я не намерен стать. Во-первых, трудно совместить театр, кино и телевидение с режиссурой. А, во-вторых, и это главное, — я не умею управлять другими. По своей творческой природе я склонен подчиняться, а не руководить. Но, если бы все-таки пришлось что-то ставить, я скорее всего выбрал бы музыкальный спектакль на современную тему.

— Кого из современных композиторов Вы особенно любите?

— Больше всех люблю и чаще всего исполняю песни ленинградского композитора Геннадия Гладкова. Он необычайно тонко чувствует музыкальную природу драматического театра. Внутри каждой его мелодии будто живет человек, одновременно и веселый, и грустный, и ироничный. А в общем, очень добрый.

— Новых Вам успехов, Михаил!

Беседу вел
Л. РУБИНШТЕЙН.
Ленинград—Донецк.

Михаил Боярский:

«ТЕАТР — ГЛАВНОЕ ДЕЛО МОЕЙ ЖИЗНИ»

дина. Он до сих пор идет в нашем театре.

— Михаил, Вы сегодня один из тех современных актеров, которые в своем творчестве синтезировали несколько видов искусства. Однако не все зрители и не все критики единодушны в том, что такой синтез нужен в драматическом искусстве. Есть даже мнения, что психологический театр теряет от этого свою глубину и серьезность.

— У меня на этот счет другая точка зрения. Актер современного драматического театра должен уметь делать все. Кроме своей чисто сценической базы он должен быть развит физически, музыкально, хореографически, обязан владеть инструментами. Другое дело — как этими данными воспользуется режиссер, какие задачи поставит перед ним. Ведь актерский арсенал можно использовать как угод-

щает Вашу актерскую палитру!

— Для меня, как и для всех молодых актеров театра, творчество Алисы Бруновны Фрейндлих пока недостижимая вершина. Мы на нее равняемся, мы учимся у нее преданности искусству, принципиальности, полной творческой отдаче. А для меня лично каждый спектакль, где мы играем вместе с ней, будь то «Дульсинья Тобосская» или «Интервью в Буэнос-Айресе», «Люди и страсти» или «Укрощение строптивой» — всегда новый урок, всегда какое-то открытие. Я счастлив, что работаю с таким мастером.

— Вас можно увидеть сегодня и на эстраде, и на телевидении. Скажем, если бы сегодня Вам предложили оставить театр и перейти на эстраду, что бы Вы ответили?

— Категорическое «нет». Потому что я театральный ак-

тер, а не эстрадный исполнитель. И все, что я пою, существует не самостоятельно, а только «привязанно» к моим ролям.

— А когда мы увидим фильм «Три мушкетера» с Вашим участием? Реклама фильма привлекла к нему внимание многих любителей кино.

— Съемочные и монтажные работы давно закончены. Фильм одан. Полностью я его еще не видел, у меня была возможность посмотреть лишь куски, которые озвучивались с моим участием. Когда фильм выйдет на экраны, трудно сказать — у кинопроката свои соображения...

— Что испытывали Вы, когда получили приглашение играть лучшего из мушкетеров? И вообще, что дал Вам этот фильм, Михаил!

— Это было для меня полной неожиданностью. Никогда прежде не думал, что буду играть д'Артаньяна. Просто боялся думать... Ведь столько